

© 1995 г. А.К. МАТВЕЕВ

# АПЕЛЛЯТИВНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СТРАТИФИКАЦИЯ СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМОВ

Едва ли не самую сложную проблему при изучении субстратных топонимов, даже если пути их этимологизации просматриваются достаточно хорошо, составляет стратификация – установление относительной хронологии топонимических пластов, начиная с верхнего, т.е. ретроспективно. Топонимический материал вследствие своей ограниченности и специфичности далеко не всегда открывает возможности для стратификации, которая становится поэтому одним из наиболее уязвимых мест топонимического анализа. Не исключение и русский Север (в дальнейшем – РС) с его многочисленной, пестрой по генетическому составу и структурным типам топонимией, образующей сложную мозаику ареалов, соотношение которых устанавливается с большим трудом. При этом не помогает так называемый "метод географических терминов", якобы последовательно наслаивающихся в агглютинативно-суффиксальных языках при освоении топонимии аборигенов пришельцами и тем самым прямо указывающих на соотношение топонимических типов и пластов. Это явление факультативно [1], а на РС фактически отсутствует: при неясной семантике топоосновы индикатор класса географического объекта в сущности излишен. Во всяком случае автору известно немного таких показательных примеров, как название озера *Ухтомьярское*, в котором, кроме топоосновы *ухт-*, четко выделяются русское оформление (*-ское*), прибалтийско-финско-саамский или финно-волжский "озерный" формант (*-яр-*) и загадочный компонент *-ом(ь)-*, являющийся гидрографическим термином или словообразовательным суффиксом, причем последнее более вероятно.

Поскольку структура топонимов не может сколько-нибудь эффективно использоваться для стратификации, а другие собственно топонимические характеристики, например, фонетические и ареальные, при современном состоянии изучения вопроса не составляют цельной картины и тоже приносят мало пользы при установлении соотношения пластов топонимического субстрата, есть смысл обратиться к вспомогательным данным, исследование которых, отнюдь не подменяя последующее построение стратиграфической схемы по собственно топонимическим источникам, помогает определить соотношение топонимических пластов хотя бы в общем виде и способствует процессу стратификации в целом.

Таким вспомогательным источником могут быть диалектные апеллятивные заимствования, если они образуют достаточно мощный массив, как это имеет место на РС. Поскольку семантика апеллятивных заимствований в отличие от ономастических обычно толкуется в первоисточнике, их этимологии чаще твердо установлены, что и повышает надежность операций с диалектным лексическим материалом и его сравнений с топонимическим.

Сам по себе этот прием не нов. Апеллятивные заимствования давно с успехом используются при лингвоэтнической идентификации субстратных топонимов, а именно при этимологической интерпретации топооснов и топоформантов. В общем виде на значение областного словаря для изучения субстратной топонимии указывал А.И. Попов [2–3]. Специально занимался этим вопросом автор статьи [4]. Сейчас, однако, речь идет о другом: изучение апеллятивных заимствований на той или иной

территории, предваряющее топонимические разыскания или осуществляемое одновременно с ними, может во многом определить направление топонимических поисков и способствовать стратификации топонимического материала. При этом целесообразно исходить из того, что наличие многочисленных апеллятивных заимствований в языке усвоения обычно указывает на существование генетически тождественного субстрата в микротопонимии (ойконимии), а отсутствие апеллятивных заимствований и соответственно микротопонимического субстрата свидетельствует о стратиграфически более раннем "чисто гидронимическом" субстрате и субсубстрате [5, с. 91–94]. Но это общее положение в языковой действительности реализуется по-разному. Например, на одной и той же территории количество зафиксированных апеллятивов и микротопонимов может быть велико в одном субстратном языке и незначительно в другом. В таком случае логично думать о принадлежности выявленных языковых общностей не к адстрату, а к стратиграфически разным топонимическим пластам. Разумеется, какие бы то ни было количественные (статистические) критерии, кроме самых общих противоположений (наличие – отсутствие, очень много – очень мало, много – мало, часто – редко и т.п.), при таком характере материала вводить невозможно, но уже эти противопоставления способны в ряде случаев помочь при стратификации. Точкой отсчета, однако, всегда будет массив заимствованных апеллятивов, по которому ведутся поиски того или иного топонимического пласта и устанавливается его положение относительно других пластов.

Естественно, что предложенный путь может быть реализован только при достаточном количестве как апеллятивного, так и топонимического материала, а также при качественном сборе фактов. Принципиально новые результаты можно получить только при организации массового сбора заимствований, что и осуществлено Севернорусской топонимической экспедицией Уральского университета (СТЭ) в 1961–1994 гг. наряду со сбором топонимии путем направленного поиска заимствованных слов с многократной проверкой их фиксации на всей территории РС (Архангельская и Вологодская области).

Таким образом, языковое богатство зоны исследований и апробированная в течение десятилетий методика обеспечили определенные условия для реализации предлагаемой процедуры, при этом дифференциация субстратных и заимствованных апеллятивов не производилась [см. 5, с. 86–87, 92], кроме тех случаев, когда результаты интерпретации были настолько однозначны и показательны, что появлялась возможность уточнить характер контактов, при которых происходило усвоение иноязычных слов.

Как известно, вслед за верхним – русским – пластом, начиная со времен Шегрена и Кастрена, в субстратной топонимии РС выделяются прибалтийско-финские, саамские и пермские (коми-зырянские) элементы, причем прибалтийско-финские считаются обычно наиболее поздними, хотя иногда весь предшествующий дорусский пласт рассматривается в целом как гетерогенный адстрат.

Изучение заимствованных апеллятивов, осуществленное Я. Калимой [6, 7] и Т. Итконеном [8], во многом подтвердило разыскания знаменитых финно-угроведов XIX в., тем не менее сопоставление субстратной топонимии и апеллятивных заимствований с привлечением многочисленных новых фактов, собранных СТЭ, позволило в некоторых случаях внести уточнения в схему стратификации субстратных топонимов на РС, а иногда изменить представление об их природе.

В своем исследовании о прибалтийско-финских элементах русской лексики Калима, основываясь на многочисленных лексикографических источниках и прежде всего на словарях Даля [9], Куликовского [10], Подвысоцкого [11], рассматривает более 500 русских диалектных слов, доказывая их прибалтийско-финское происхождение. И хотя Калима, как это сейчас установлено, выявил далеко не весь прибалтийско-финский лексический материал, а иногда ошибочно включает в свой словарь явно неприбалтийско-финские слова (*пенус*, *телгас*, *шайма* и т.п.), его труд до сих пор остается непревзойденным. Некоторые упущения работы Калимы объясняются неполнотой и

другими недостатками использованных им источников. Отсюда неточности в звуковой форме слов, очень общие указания на их распространение, а, главное, отсутствие множества лексем прибалтийско-финского происхождения, распространенных в говорах РС, но не засвидетельствованных к тому времени в словарях.

Вместе с тем следует заметить, что данные словарей, которыми пользовался Калима, воссоздают весьма своеобразную картину распространения прибалтийско-финских лексем на РС: Калима ссылается на олонецкий словарь Куликовского в 315 случаях, на Подвысоцкого – в 155 (при этом на кольские, кемские, онежские говоры приходится более половины всех фиксаций). Все это ясно свидетельствует о том, что в работе Калимы отражена прежде всего лексика русских олонецких говоров, а также других смежных с карельским языком русских диалектов, тогда как в центре и на востоке РС прибалтийско-финские слова фиксируются значительно реже. Тем самым в основном адстратные олонецкие материалы невольно смешиваются с заимствованиями, локализованными на давно обрусевших архангельских и вологодских землях. Последующие разыскания вновь выявили обильную прибалтийско-финскую по происхождению лексику в зонах непосредственного контакта – в русских беломорских говорах [12] и русских говорах Обонежья [13], тогда как данные СТЭ, относящиеся к основной территории РС, воспроизводят значительно более размытую картину бытования прибалтийско-финских лексем в русских говорах, хотя и совпадающую с предшествующими наблюдениями в главном: количество прибалтийско-финских лексем на РС уменьшается с запада на восток и с севера на юг. Тем не менее, если учитывать только уже интерпретированные факты, прибалтийско-финская лексика все же явно образует преобладающий слой заимствований в пределах всего РС.

Будучи несомненно наиболее многочисленным слоем в составе заимствований, прибалтийско-финские лексемы образуют разные и порой очень специфичные ареалы – от островных до охватывающих практически весь РС. Они явно восходят к разным прибалтийско-финским наречиям как карельского, так и вепсского типа, а в какой-то мере возможно и к вымершим прибалтийско-финским диалектам. Однако в статье не будет затронут достойный особого изучения, крайне трудный и пока практически не исследованный вопрос о различении карельских и вепсских заимствованных лексем на РС и их ареальной привязке. Только полный охват топонимического и апеллятивного материала и всестороннее его изучение позволят со временем решить эту проблему. Пока же имеются только фрагменты: показано, например, наличие вепсского элемента в топонимии Вытегорского района Вологодской области [14], карельского – в Онежском районе на крайнем северо-западе Архангельской области [15]. Поэтому в настоящее время существеннее общий вывод о господстве прибалтийско-финского элемента в верхнем слое иноязычных заимствований и его явной неоднородности. Можно, однако, членить этот материал по другому основанию: заимствования, соответствующие фонетическим закономерностям ныне существующих прибалтийско-финских языков, и заимствования, обладающие фонетической спецификой.

В целом ряде случаев факты, приведенные Калимой, фиксируются и на РС, но при этом могут обнаружиться фонетические расхождения. Так, вместо *гудега, юдега* "иней на деревьях" на северо-востоке региона СТЭ записано слово *худега* "снег на ветках", что точнее соответствует прибалтийско-финскому оригиналу (ср. фин. *huude*, карел. *hiiueh*, род. п. *hiiudehen* "иней"), хотя слово засвидетельствовано далеко от собственно прибалтийско-финской территории.

Некоторые прибалтийско-финские по происхождению лексемы распространены очень широко и во множестве вариантов. Так, кроме слова *хонга*, главным образом в значении "сухая сосна" [6, с. 238] СТЭ зафиксированы в говорах РС в том же и близких значениях *хонгарь, хонжа, хоножка, хоножник, хоночка, хонужка, хонушка, хоньшка, хоньга, хоньжина, хонька, хомга, хонда* (при фин. *honka*, ливв. *hoņgi*, люд., вепс. *hoņg* "кондовая сосна"), а также возникшие по ассимиляции *конга, конгар,*

конгор, конгочина, конжа, конжина, конжинник, конжовник, коножник, коньга, конья, коньжа, коньжак, коньжина. Все это богатство русских форм, кроме *хонга*, *конга*, *конда* отсутствует у Калимы. Не менее важны и выявленные ареальные закономерности: *хонга* с вариантами распространено на севере региона практически по всей Архангельской области, *конга* и варианты фиксируется на востоке Архангельской области наряду с *хонга* и на востоке Вологодской области, *конжа* на юго-востоке РС. Здесь, конечно не обошлось без обратного влияния широко распространенного в русских говорах и профессиональной среде *конда* (*хонга* > *конга* > *конда*), тем не менее ареальное распределение вторичных образований свидетельствует как о более раннем освоении русскими юго-восточной части региона, где сейчас преобладают формы типа *конга*, *конжа* с производными, так и о мощном прибалтийско-финском субстрате в северной части региона, где господствует *хонга* (с параллельным *конга* на Ваге, Северной Двине и Пинеге).

В то же время следует заметить, что многих прибалтийско-финских слов, засвидетельствованных СТЭ на РС, вообще нет у Калимы. Они могут иметь крайне узкое распространение, например, *вина* (Лепшинский сельсовет Няндомского района Архангельской области) "ловушка на рябчика" < приб.-фин., ср. фин. *viiri*, карел.-ливв. *viiri*, *vibi*, люд. *bibi*, вепс. *bibi*, *vibi* "ловушка – силок" [16, s. 1782]. И достаточно широкое: в басс. Онеги в значениях "иней, изморозь", а также "цветущая поверхность воды", "плесень" широко употребляется слово, зафиксированное в вариантах *харм*, *харма*, *харман*, *хармаха*, *хармега*, *хармех*, *хармеха*, *хармовина*, *хармоха*, *херма*, *хермеха*, *хермиха*, *хермотина*, *хермоть*, *херьмех*, *херьмеха*, связанное с фин. *härmä*, ливв. *härmü*, люд. *härm* "иней" [16, s. 99]. Богатство форм несомненно возникло на русской почве, но первоисточником могли послужить разные прибалтийско-финские слова: *härmä*, *härm*, а также \**härmäh*, восстанавливаемое по модели фин. *huude*, но карел. *huueh*, люд. *hūdeh*, вепс. *hudeg* "иней", фин. *korte*, но карел.-ливв., люд. *korteh*, вепс. *korteh* "хвощ".

Это показывает, что в явно прибалтийско-финских по происхождению лексемах на РС могут быть свои особенности образования. К их числу прежде всего относятся необычная суффиксация, например, -ус (<-us) в *вихтус*, *вихлус* "соломенный жгут для утепления входной двери" при фин., карел. *vihko*, люд., вепс. *vihk* "пук, связка", где произошла диссимиляция в нетипичной для русского языка группе -хк (<-hk-).

В некоторых случаях даже трудно восстановить первоначальный облик прибалтийско-финского слова, поскольку ближайшие аналогии в современных прибалтийско-финских языках обнаружить не удалось. Таково слово *рипало* "крышка пестеря, кузова", связанное с фин. *ripata*, вепс. *ripitada* "моргать" [16, s. 805], буквально "моргалo", причем эта этимология хорошо подтверждается другим названием крышки пестеря, распространенным среди русского населения, *веко*.

Наиболее существенно, однако, что зафиксирован ряд лексем, имеющих соответствия в прибалтийско-финских языках, но обладающих фонетическими отличиями от них, не объяснимыми ни на прибалтийско-финской, ни на русской почве. Таково прежде всего соответствие приб.-фин. *e* – приб.-фин. (на РС) *a*, зафиксированное, например, в *вахка*, *вахта* [см. 17], *вафка* "вахта трилистная" (растение) на всей западной половине РС, ср. *вехк* в Обонежье [13, с. 14] и фин. *vehka*, карел.-ливв. *vehka*, *vehku*, люд., вепс. *vehk*, эст. *võhk* "то же" [16, s. 1681], *вагмас* "заболоченный лес с буреломом и кустарником" – фин. *vehmasto* "очень густой лиственный лес или кустарник", эст. *võhtas* "остров в болоте" [16, s. 1682], *шалга* "возвышенность, покрытая лесом" и в других значениях – карел. *šelgä* "то же" [16, s. 995–996] и т.п. Как бы ни объяснять это соответствие (а оно находит параллели в саамском языке), приходится допустить, что в западной половине РС был распространен особый прибалтийс-

ко-финский диалект, хотя в целом он вряд ли значительно отличался от других прибалтийско-финских наречий того времени.

В конечном счете именно прибалтийские финны, судя по их многочисленному апеллятивному наследию в русских говорах, составляли прежде всего дорусское население, представлявшее собой сложный адстрат (по отношению к русским – субстрат). Можно допустить, конечно, что кое-где прибалтийские финны наслаивались на других прибалтийских финнов, но пока о таких случаях неизвестно.

В сущности та же картина обнаруживается и в топонимии. Поскольку о микротопонимических формантах прибалтийско-финского происхождения типа *-нема* "мыс", *-пелда* "поле", *-ранда* "берег" и т.п., а также микрогидронимах на *-оя* "ручей" написано уже много (подробности см. [18]), и в общем ни у кого не возникает сомнения в том, что и по этому показателю прибалтийско-финский пласт на РС должен считаться непосредственно предшествующим русскому, остановимся только на одной группе прибалтийско-финских топонимов, представляющей особый интерес – названиях на *-ла* (<*-la*, *-lä*). Она восходит к наименованиям с суффиксом места, типичным для прибалтийско-финских языков, но нехарактерным для саамского и поэтому ярко дифференцирующим. Названия эти в своем большинстве являются ойконимами или микротопонимами и очень широко распространены в прибалтийско-финской топонимии. На РС они также обычно обозначают населенные пункты или урочища, хотя есть и речные названия на *-ла* (ср. *Анила*, *Ошала*), происхождение которых спорно. Во всяком случае их надо отделять от ойконимов и микротопонимов на *-ла*.

Прибалтийско-финское происхождение этих довольно многочисленных названий (на РС более 70) подтверждается не только наличием специфического суффикса, но и бесспорно прибалтийско-финских основ, ср. *Веркола* – карел. *verko*, вепс. *verk* "сеть", *Ихала* (3 названия) – фин. *ihala* "чудный, дивный", ливв. *ihalu* "прекрасный, красивый", *Каньзело* < \**Каньзела* – ливв. *kanzu*, вепс. *kanz* "семья", *Корбала* (2 названия) – карел.-ливв. *korbi*, вепс. *kořb* "глухой лес", *Сетала* – фин. *setä* "дядя", *Хергала* – карел. *härgä*, вепс. *härg* "бык" и др. В прибалтийско-финской топонимии этим названиям нередко находим точные аналогии, ср. фин. *Härkälä*, *Ihala*, *Kansola*, *Korpela*, *Setälä* и т.п.

Показателен ареал названий на *-ла*. Они довольно равномерно распределены по всему РС, кроме бассейнов Мезени и Кулоя на северо-востоке, а также крайнего юго-востока. В последнем случае это прямо связано с отсутствием типичной прибалтийско-финской топонимии в бассейнах Юга, Малой Северной Двины и низовий Сухоны. Лакуна на северо-востоке более загадочна. Она, возможно, указывает на малочисленность прибалтийско-финского лингвоэтнического компонента в этих местах, где нет, кстати, и характерной прибалтийско-финской микротопонимии. Но на большинстве территорий РС названия на *-ла* фиксируются везде, хотя, разумеется, с той или иной степенью плотности. Их особенно много в низовьях Северной Двины, Пинеги, Онеги, по Ваге и Моше, где прибалтийско-финское население, видимо, было значительным. Важно отметить при этом, что ареал названий на *-ла* в целом совпадает с зоной распространения прибалтийско-финских микротопонимических формантов. Отсюда следует, что перед приходом русских основная часть территории РС была освоена прибалтийскими финнами, хотя русские в целом ряде случаев могли контактировать и с другим более древним населением, в частности, с саамами (см. об этом ниже).

И.И. Муллонен, ссылаясь на исследования В. Ниссиля [19], констатирует, что "скопления ойконимов на *-la*, *-lä* находятся в местах наиболее раннего оседлого земледельческого освоения" [20]. Вероятно это положение применимо и к территории РС, т.е. скопления названий на *-ла* указывают на места наиболее ранних поселений прибалтийских финнов. Однако надо заметить, что прибалтийско-финское продвижение на восток было достаточно поздним и что прочно освоены прибалтийскими финнами были только самые западные окраины региона (к западу от Онеги и Белого

озера). Об этом ясно свидетельствует анализ гидронимии. Хотя прибалтийско-финские гидронимы обнаруживаются и на восточных окраинах РС (ср. *Мустюга* почти на границе с Республикой Коми и фин. *Mustajoki* "Черная река") и в его центре (ср. *Мустозеро* в басс. Ваги и фин. *Mustajärvi* "Черное озеро"), в основном прибалтийско-финская гидронимия сосредоточена на западе региона. Именно там в большом количестве обнаруживаются такие типичные прибалтийско-финские названия, как *Вехозеро*, *Вехкуй* (ср. карел. *Vehkajärvi* "Озеро с вахтой", *Vehkaoja* "Ручей с вахтой"), *Салмозеро*, *Шалмозеро* (ср. карел. *Salmijärvi*, *Šalmijärvi* "Проливное озеро"), *Хабозеро* (ср. карел. *Hoabajärvi* "Осиновое озеро") и им подобные.

По-другому представлены в говорах РС саамские апеллятивные заимствования. Своего рода дополнение к работе Калимы – краткую сводку саамизмов русского языка – составил Т. Итконен [8]. В его работе приводится 90 слов, которые считаются саамскими и 26 – саамскими или прибалтийско-финскими. Подавляющее большинство из них, однако, относится к Кольскому полуострову, а также поморскому побережью и может рассматриваться как саамские экзотизмы. Кроме того, в статье Итконена довольно много общеизвестных слов, вошедших в русский литературный язык, и профессионализмов: *важенка*, *камбала*, *камус*, *кумжа*, *морж*, *навага*, *няша*, *палтус*, *пикиша*, *торос*, *тундра*, *ягель* и др. Лексем, относящихся к основной территории РС, мало. Они обычно широко распространены и могли также проникнуть на РС с Кольского полуострова и поморского побережья: *вальчак* "возрастная разновидность семги", *вачега* "суконная рукавица", *воюкса* "жир из вываренных рыбьих внутренностей", *кережка* "сани для езды на оленях", *кошка* "песчаная отмель", *нюра* "подводная мель", *ропак* "обледенелый камень", *торох* "порыв ветра", *чит* "подмерзший снег" и т.п. Таким образом, эти заимствования могут быть не связаны по своему происхождению с РС и древним саамским населением на его территории. Однако на территории РС засвидетельствовано и некоторое количество явно местных саамских апеллятивных заимствований, что хорошо коррелирует с относительной редкостью саамских микротопонимов, засвидетельствованных только в нескольких микрорегионах, и в то же время обилием саамской гидронимии [21–23].

Прежде всего приведем такую яркую дифференцирующую лексему, как *чёлма* "пролив" <саам. норв. *čol'bme*, кольск. *чуэлльм* тж. Русский апеллятив в значениях "пролив, проток, залив", а также "горловая ловушка для рыбы" (ср.: "рыба в челму заходит в окошечко, а оттуда ей не выйти") распространен на РС западнее линии Емецк – Белое озеро, но не сплошным массивом, а отдельными вкраплениями, как правило, в районах больших озер (Андозеро, Воже, Мошинское, Ундозеро и др.). Эта зона изолирована от Поморья и Кольского полуострова, поэтому апеллятив *чёлма* должен считаться местным по происхождению. Примечательно, что в крайне северо-западной части региона (Онежский район Архангельской области) между зоной распространения апеллятива *чёлма* и Карелией у местного населения в ходу прибалтийско-финский по происхождению апеллятив *салма* (ср. фин. *salmi* "пролив").

Именно в этом "разорванном" ареале и встречаются прежде всего другие саамские апеллятивы, ср., например, в Белозерском крае: *мярда* "рыболовная ловушка" – саам. *mær'de* тж., *личма* "плавучий остров" – саам. *lisme*, *lišme* "ил, тина, грязь" [24–25]. Здесь же обычны географические термины *лохта* "залив" и *янга* "топкое болото", трудно отличимые от соответствующих прибалтийско-финских слов, хотя в настоящее время все больше свидетельств в пользу предположения, что русский апеллятив *лохта* "залив" (в роли топоформата -*лохта*) восходит в основном именно к саам. *luok'ta* "залив", а не к приб.-фин. *lahiti* тж. (подробности см. [23, 26]).

Таким образом, есть основания думать, что в пределах очерченной зоны русские имели прямой контакт с местными саамами и ассимилировали их. Это хорошо подтверждается наличием в ряде микрорегионов (Андозеро, Воже, Мошинское) саамской микротопонимии на -*лохта* "залив" (*Куколохта* "Длинный залив",

*Пышелохта* "Святой залив", *Чухлохта* <\**Чухчлохта* "Глухариный залив"), -*соло*, -*солово* "остров" < саам. *suolo* тж. (*Кукосоло* "Длинный остров"), -*ринда* "берег" < саам. норв. *rid'do*, кольск. *рынтт* тж. (*Шандоринда*), -*личма* "плавающий остров" (*Челмаличма* "Проливный плавающий остров"), хотя в некоторых случаях (Ундозеро) саамов, видимо, ассимилировали прибалтийские финны, ср. ундозерские названия *Муталахта*, *Рибалахта* – фин. *Mutalahti* "Илистый залив", *Repolahti* "Лисий залив". Сказанное относится и к другим микрорегионам с вкраплениями саамской микротопонимии – в низовьях Северной Двины, по средней Пинеге и в басс. Мезени, где в последнее время были засвидетельствованы такие типично саамские микротопонимы, как *Шублохты* "осиновые заливы", *Явра* "Озеро" и т.п. Однако на большей части РС между Белым озером и средним течением Пинеги, где широко представлена гидронимия с типичными саамскими основами *нюхч*(*нюкш*) "лебедь", *чухч*(*чук*) "глухарь", *челм* "пролив", *шунд* "талый" и т.п., саамская микротопонимия или отсутствует или представляет собой спорные случаи. Так, названия типа *Чухчанема* "Глухариный мыс" могут быть интерпретированы и как собственно саамские и как саамско-прибалтийско-финские гибриды [23, с. 8–10].

Отсюда следует, что на большей части РС прибалтийские финны ассимилировали древнее саамское население, усвоив саамскую гидронимию (а частично и микротопонимию) и заменив в ряде случаев саамские топоформанты на прибалтийско-финские, однако в некоторых "озерных" местностях саамское население держалось долго и было здесь ассимилировано русскими, усвоившими отдельные саамские апеллятивы и микротопонимы.

Возникает, однако, еще одна трудная проблема. Кроме собственно прибалтийско-финских и саамских наречий, в древности на территории РС могли существовать и переходные формы. Обсуждается также возможность отражения в субстратной топонимии общего прибалтийско-финско-саамского языкового состояния. Так, И.И. Муллонен относит субстратные основы *шуб* – саам. *siurb* "осина" *шид* – саам. *sijt* "поселение", *печ* – саам. *pieAis* "сосна" к периоду существования прибалтийско-финско-саамской общности, сформировавшейся на территории Европейского Севера к 1500 г. до н.э. [27]. Эта интересная версия несомненно достойна внимательного изучения. Но, во-первых, до сих пор не доказан сам факт существования прибалтийско-финско-саамского праязыка, хотя эту версию и разделяет такой авторитетный финно-угровед, как Э. Итконен [28]. Есть к тому же и другие точки зрения на вопрос о происхождении саамов и их языка [см. 29, с. 110–115, 172–174]. Во-вторых, русские в ряде микрорегионов РС, судя по языковым данным (см. выше), ассимилировали именно саамское население, причем говорившее на разных диалектах [23, с. 10], и это могло произойти не раньше начала II тыс. н.э. Если прибалтийско-финско-саамский праязык распался к середине I-го тыс. до н.э. [29, с. 202], то трудно допустить, что он сохранялся на территории РС еще 1500 лет и был ассимилирован там русским языком.

Видимо, все-таки следует считаться с "феноменом мертвого языка", т.е. с тем, что в древних прибалтийско-финских и саамских диалектах могли сохраниться или развиться явления, не свойственные ныне существующим языкам, а в условиях тесного контактирования появились общие изоглоссы (см. выше о звуке *a* в соответствии с прибалтийско-финским *e*). Эта идея четко сформулирована в работах А.И. Попова, где говорится о наличии на РС лексических реликтов из своеобразных финно-угорских языков и их многообразном варьировании в русской среде [30–31]. Только такой подход позволяет понять столь необычные факты, как апеллятив *чильма* "окно воды в болоте", "глазина" (русск, диал.) с саамским консонантизмом (*чалльм* "глаз") и прибалтийско-финским вокализмом (фин. *silmä* "глаз"). Финно-угорский сибилант \**š* в прибалтийско-финском праязыке отвердел (\**š* > *s*), а в саамском из \**š* возникла аффриката *š̥* (*iš̥*) [32]. Поэтому слово *чильма* никак не может рассматриваться в качестве реликта прибалтийско-финско-саамского праязыка. Проблема в другом:

является ли это слово фактом древнесаамского языка до перехода  $i > a$  [о нем см. 33] или вообще какого-то особого финно-угорского языка, промежуточного между прибалтийско-финскими и саамским.

Таким образом, и в заимствованных апеллиятивах и в субстратных топонимах могут быть засвидетельствованы, во-первых, более древние стадии ныне существующих финно-угорских языков, а во-вторых, факты неизвестных нам вымерших финно-угорских языков. Именно поэтому до сих пор не интерпретированы многие иноязычные по происхождению компоненты севернорусской диалектной лексики.

Почти без внимания остались и малочисленные, но очень важные апеллиятивы волжско-финского происхождения, открывающие новые возможности в изучении субстратной топонимии РС.

Сразу оговоримся, что в дальнейшем термин "волжско-финский" не будет употребляться прежде всего потому, что в свете новейших представлений существование волжско-финского единства весьма проблематично. Другая причина состоит в том, что в апеллиятивных заимствованиях и субстратной топонимии РС пока не выявлены элементы, дифференцируемые как мордовские. Поэтому речь в настоящее время может идти только о марийских элементах на РС. Трудно сказать, однако, являются ли эти языковые факты действительно марийскими (древнемарийскими) или принадлежат промежуточным прибалтийско-финско-саамско-волжским (северофинским) языкам или, наконец, относятся и к тем и к другим. Поэтому пока предпочтительнее говорить только о языковых элементах, дифференцируемых как марийские (для краткости – "марийские").

"Марийские" лексические апеллиятивы на РС встречаются нечасто, но среди них есть достаточно показательные: *туржа* "рыба голавль (реже язъ)" – марийск. *туришо* "голавль"; *чинга*, *чинговатик*, *чингушка*, *чинговый* (*чинговатый*) *лес* "тонкое, но очень твердое еловое дерево" – марийск. *чинга* "мелкослоистое дерево (которое трудно пилить, колоть)"; *мыгра* "горка", "бугор" – горно-марийск. *мыгыр* "горб", восточно-марийск. "шишка, желвак" (распространенная в географической терминологии метафора); *равина* "наклонная жердь, шест, к которому крепится парус в лодке" – горно-марийск. *равы* "жердь, шест". Сюда же очевидно надо отнести засвидетельствованное в ряде лексикографических источников русское кольское *шардун* "некастрированный олень -самец". Подвысоцкий относит это слово к "лопарским" [11, с. 30], но саамские параллели отсутствуют, и фактически оно связано с финно-угорскими лексемами типа горно-марийск. *шарды* "лось" или морд. *сярдо*, *сярда*, на что было указано еще М. Фасмером [34, с. 408]. На РС в апеллиятивной лексике никаких соответствий этому слову не обнаружено, но можно предполагать, что *шардун* мигрировало на Кольский полуостров с более южных территорий и было перенесено на разнovidность оленя, причем роль аборигенов и русских в деталях этого процесса определить трудно.

Эти лексемы особенно интересны в том отношении, что сопоставимы прежде всего с горно-марийским наречием, наряду с северо-западным, лучше сохранившим прамарийский вокализм [35]. В то же время они имеют ограниченные ареалы, приуроченные к самым различным микрорегионам РС (от Белозерья и Онеги до Мезени), что указывает на их большую древность. Возможно это реликты, усвоенные русскими через прибалтийско-финское и саамское посредство, хотя нельзя совсем исключить, что где-то у "марийцев" был прямой контакт с русскими. В любом случае на топонимическом уровне следует прежде всего предполагать "марийский" субстрат. Это означает, что в микротопонимии следы "марийского" типа маловероятны. И действительно доказательных фактов такого рода пока нет. Напротив, в гидронимии они засвидетельствованы неоднократно, но преимущественно в основах.

Дифференцируемый как марийский гидроформант отмечен только в одном случае: это гидронимы на *-енгарь* < марийск. *eŋer* "река" в басс. Устья на юге Архангельской области. Трудно решить, имеем ли мы здесь дело с субстратным реликтом или,

напротив, с суперстратом, привнесенным в более позднее время. Еще сложнее идентифицировать многочисленные названия на *-важ*, *-веж* в басс. Северной Двины между Вагой и Пинегой. Поскольку названия такого типа обычны на собственно марийской территории, где *важ* "корень", "приток", (ср. *Кожваж*, *Тадымваж*, *Шактемваж* в Горномарийском районе [36]), казалось бы, и этот тип следовало причислить к "марийским". Но, во-первых, в своем большинстве основы этих названий не интерпретируются как марийские, а во-вторых, топоформант может быть объяснен и на пермской почве (см. ниже). Нет сомнения, однако, что гидронимы на *-важ*, *-веж* принадлежат какому-то восточнофинскому языку.

Намного более показательны топоосновы. И это понятно: если "марийские" названия квалифицируются главным образом как субсубстратные, то многие топоформанты могли быть со временем утрачены [1]. Основы в этом отношении более устойчивы.

Так, на РС несколько раз зафиксировано название рек *Икса*, обычно вытекающих из озер, именуемых *Иксозеро*. Есть все основания сопоставить это название в силу его высокой частотности с марийским гидрографическим термином *икса*, засвидетельствованным в значениях "залив", "пролив", "проток", "речка, соединяющая два водоема". Это предположение поддерживается костромским диалектизмом *вёкса* "межозерный приток", родственным марийскому *икса* и северно-русским гидронимам *Икса* [37]. Сюда же надо отнести рукав *Иксома* в устье р. Вожеги, притока озера Воже, и два названия *Иксостров*, относящихся к разделенным проливом островам в центральной части Ундозера, что позволяет реконструировать и для этого пролива название *\*Икса*.

Столь же широко на РС распространены названия с основой *шард* "лось" (см. выше *шардун*): *Шарда* (4 реки), *Шардболото*, *Шардозеро*, *Шарденьга* (3 реки), *Шардовка*, *Шардома*, *Шардуша*. Кроме того, засвидетельствованы метонимические переносы: р. *Шардоверка*, соединяющая Сывтозеро и Шардозеро, т.е. в реконструированном виде *\*Шард(о)ер* (ср. марийск. *ер*, *йәр* "озеро"); ср. также "с *Шарденги* из *Быкокурского стану*" [38].

Можно привести еще целый ряд гидронимических соответствий, ср.: марийск. *келге*, *келгы* "глубокий" и *Келгозеро* (2 названия), *корно*, *корны* "дорога" и *Корна*, *Корнов*, *Корнома*, *кужу*, *кужы* "длинный" и *Кужа*, *Кужозеро*, *Кужручей*, *ломбо*, *ломбы* "черемуха" и *Ломбозеро*, *Ломбуха*, *писте*, *писты* "липа" и *Пистерка*, *Пистома*, *Пыстозеро*, *Пыстома*, *пүнчӱ*, *пӱнжы* "сосна" и *Пунжеро*, *Пунжозеро*, *пӱчӱ*, *пучы* "олень" и *Пучега*, *Пученьга*, *Пучера*, *Пучозеро*, а также *Пучгора*, *шудо*, *шуды* "травы" и *Шуда*, *Шудболото*, *Шудозеро*, *юмо* "бог" и *Юмас*, *Юмата*, *Юмиш*, *Юмозеро* и многие другие.

К характеристике "марийских" элементов необходимо добавить, во-первых, что этот топонимический пласт должен рассматриваться в своей основе как предшествующий саамскому (частично, может быть, одновременный с ним), на что указывает и его более широкий ареал (почти весь РС), а во-вторых, что по крайней мере часть загадочных "речных суффиксов" (в частности, *-ма*, *-ша*) в свете "марийского" субстрата должна рассматриваться как словообразовательные аффиксы. В современном марийском языке имеются соответствия этим аффиксам [39], хотя, как и следовало ожидать, они не являются полными ни с формальной, ни с семантической стороны.

Проблема "марийского" субстрата тесно связана и со сложным вопросом о "севернофинских" языках (ср. выше), так как "марийские" основы обычны для многих глубинных топонимических типов (ср. *Шарденьга*). Таким образом, эта проблема в значительной степени является узловой для интерпретации субстратной топонимии РС в целом. В то же время она особенно сложна: чем глубже временная перспектива, тем сильнее действие "феномена мертвого языка". Проиллюстрируем это исключительно редкими примерами "марийских" микропонимов.

В названии урочища *Удorbала* топооснова может быть сопоставлена с марийск. *удыр, ыдыр* "дочь", "девушка", но топоформант не имеет убедительной марийской этимологии [см. обзор 40]. Второй пример подкрепляет "марийскую" версию, так как содержит эффективную метонимическую кальку: "Волость Пенежская на волоку... в ней деревни черные: д. Чючюбала, д. Сеталская пуста"... (переписная книга 1678 г.). Так как марийское *чүчү, чычы* "дядя" фонетически ближе к основе *чючю*, чем, например, саам. *сæссе* "дядя", название деревни *Чючюбала* МОЖНО также предположительно отнести к числу "марийских" наименований, причем этимология основы хорошо подтверждается анализом названия соседней деревни *Сеталская*, которое легко реконструируется в виде *Сетала < Setälä <* приб.-фин. *setä* "дядя" + локативный суффикс *-lä*, т.е. "Дядино (место)". Название *Setälä* широко распространено в финской топонимии. Тем не менее и в этом, казалось бы, прозрачном случае затруднение снова вызывает формант *-бала* с неясной этимологией. Самое простое видеть в *-бала* аналог локативного суффикса *-la, -lä*, но эта версия не находит материального подтверждения ни в марийском, ни в других финно-угорских языках. Более вероятно, что здесь скрыто слово типа саам. *bälle* "сторона", "половина" (ср. саам. норв. *Dažå-bälle* "норвежская сторона"), но и это пока гипотеза. Анализ названий на *-бала* наглядно показывает, что подходить с одной только марийской меркой к "марийским" названиям нельзя.

Особое место среди заимствованных апеллятивов на РС занимают коми-зырянские и ненецкие по происхождению слова.

В свое время Калимой были изучены коми заимствования в русском языке [7]. Он их называет "зырянскими", не дифференцируя коми-зырянские и коми-пермяцкие слова. Всего Калима анализирует 90 заимствований, из которых половина относится к РС (архангельским и вологодским говорам), остальные – к Уралу и другим регионам. В работе встречаются ошибочные этимологии (*курья, няша*), много дискуссионных, тем не менее Калима выявил довольно значительный пласт коми-зырянских элементов в севернорусской лексике, преимущественно в мезенских, пинежских, а также печорских говорах. Среди них такие широко распространенные на крайнем востоке РС близ границ с Республикой Коми слова, как *бака* "древесный гриб-трутовик", *быгать* "сохнуть на ветру", *виска* "проток, соединяющий озеро с рекой", *кулема* "ловушка, западня", *лузан* "вид охотничьей накидки", *мег* "мыс на изгибе реки", *мышерина* "сырой смешанный лес", *тупысь* "ситный хлебец", *чир* "тонкая ледяная корка на снегу" и др. Сборы СТЭ позволили добавить еще некоторое количество явно коми-зырянских слов, за редким исключением зафиксированных восточнее Северной Двины. Главным образом это лексика природы и охотничьего промысла, ср.: *еговна тропа* "охотничья тропа" – к.-зыр. *яг* "бор, лес", *керас* "высокий берег, поросший лесом" – к.-зыр. *керös* "возвышенность, лес", *норса* "лыжное крепление – кольцо, надеваемое на ногу" – к.-зыр. *нöрыс* "шнурки, связки для ног (на лыжах)", *лызь-нöрыс* "петля на лыжах", *норта* "осиновый челнок-волокуша, в котором охотники по снегу возят припасы" – к.-зыр. *норт* "нарты" и некоторые другие. Довольно значительный апеллятивный материал наводит на мысль о том, что в восточной части РС должна быть обильная пермская микротопонимия и гидронимия. На самом деле наличие коми топонимии в восточной части РС, кроме Лешуконского и Ленского районов Архангельской области, крайне проблематично.

В XIX в. А.И. Шегрен, изучая субстратную топонимию РС, пришел к выводу, что в ее состав входят пермские (зырянские) названия, при этом пермская топонимия сосредоточена к востоку от Северной Двины. В дальнейшем эта версия была поддержана М. Фасмером, А.И. Поповым, а также автором статьи [41]. В настоящее время она в какой-то мере разделяется Л.Н. Жеребцовым [42]. Против высказанного взгляда в ряде статей выступил Б.А. Серебренников. Однако для решения проблемы

в то время было недостаточно материалов, поскольку фронтальный сбор топонимов в этом регионе еще только начинался.

К настоящему времени собрана обширная информация не только по субстратной топонимии, но также по этнонимии и этнотопонимии РС. Установлено, что этноним *пермь* сохранен в ряде этнотопонимов на востоке региона (д. *Перемское* в басс. Пинеги и др.), а этноним *зырь* (*зыряне*) закрепился в качестве коллективного прозвища жителей ряда деревень на юге Архангельской области (Коношский и Устьянский районы). Однако анализ местной топонимии и параллельных этнонимических прозвищ (например, *кайки* – одно из русских наименований велсов) свидетельствует о том, что в данном случае этноним *зырь* прилагался не к пермскому, а к какому-то иному финскому населению [43].

Зоны бесспорно пермской (коми-зырянской) субстратной микротопонимии и гидронимии, притом очень многочисленной и явно довольно поздней, выявляются прежде всего на северо-востоке региона (по верховьям Мезени и в низовьях Вашки), а также на юго-востоке в Ленском районе Архангельской области [44, 45]. На других территориях восточного Подвинья явных следов пермской топонимии почти нет. Особенно показательно полное отсутствие здесь такого яркого различителя пермских названий, как гидроформант *ты* "озеро". Анализ пермских этимологий Шегрена и Фасмера свидетельствует о том, что они в своем большинстве должны быть пересмотрены.

Тем не менее поиск древнепермских топонимов в Подвинье должен быть продолжен. В этом плане наиболее перспективен юго-восток РС между Северной Двиной и верхним течением Пинеги. Летопись упоминает здесь городок *Тоимокары* (ср. дифференцирующий коми топоформант *-кар* "город"). В этих же местах зафиксирован ряд коми заимствований в русских народных говорах (*керас*, *норса*, *норта* и др.). На юго-востоке РС отмечен также гидроформант *-важ*, *-веж*, который образует плотный ареал и сопоставляется с коми *вож* "исток, рассоха". Однако аналогичный гидроформант есть и в марийском языке (ср. выше), а, главное, гидроосновы этого типа не содержат характерных пермских лексем. Поэтому нельзя исключить, что в данном случае мы имеем дело с особым языком, промежуточным между пермскими и другими финскими языками. Так или иначе изучение пермских элементов в топонимии РС должно развиваться по двум направлениям: поиск поздних коми-зырянских адстратных и субстратных включений в приграничных районах с Республикой Коми, которые в значительной части уже выявлены, и предположительно пермских или близких к ним субстратных топонимов на юго-востоке Архангельской области, существование которых, однако, проблематично. На остальной территории РС пермские элементы в топонимии не прослеживаются.

Как же тогда объяснить проникновение достаточно многочисленных апеллятивов коми происхождения в говоры РС, нарушающее установленный принцип: заимствованные в большом количестве апеллятивы восходят к языку субстратной микротопонимии?

Работа Калимы свидетельствует о том, что коми заимствования на РС относятся прежде всего к географической и метеорологической терминологии, растительному и животному миру, охотничьему снаряжению, приспособлениям, быту. Сборы СТЭ подтверждают со своей стороны эти наблюдения. Хорошо известна мобильность и активность коми, замечательных охотников и путешественников, немало сделавших в свое время для открытия путей в Сибирь. Но охотничьи пути коми пролагались и на запад – в восточную часть Заволочья. Здесь могли возникать временные и даже постоянные поселения отдельных групп коми, однако это не вело к прочному освоению территории и формированию собственной топонимической системы. Более того, апеллятивные заимствования из языка коми, видимо, не относятся к очень раннему времени, будучи уже связаны с довольно поздними русско-пермскими (коми-зырянскими) контактами. Именно поэтому они должны квалифицироваться в основном

как адстратные. Здесь уместнее другая формула: наличие большого числа апеллятивных заимствований при отсутствии микротопонимии свидетельствует об адстрате.

Еще больше эта формула имеет отношение к ненецким апелляциям на РС, образующим западный фланг заимствований, проникших также в русские говоры Припечорья и Нижнего Приобья, поскольку зона расселения тундровых ненцев протянулась на тысячи километров вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Ненецкие заимствования достаточно последовательно помечаются в словаре Подвысоцкого как "самоедские", правда, их конкретный источник указывается не всегда. Ряд ненецких по происхождению русских слов рассматривается в этимологическом словаре М. Фасмера. В итоговой для своего времени статье А.А. Пантелеевой [46], учитывающей и материалы СТЭ, приводится более 50 ненецких заимствований, из них более половины были записаны в басс. Мезени. За истекшие после этой публикации годы на северо-востоке РС было собрано еще около 30 ненецких слов, проникших в русские говоры.

Суммируя все эти данные, можно сделать вывод, что ненецкие слова, за немногими исключениями, бытуют на РС только в русских говорах Мезенского и Лешуконского районов Архангельской области. Здесь, в басс. Мезени, зафиксировано уже более 60 ненецких заимствований. Тематически почти все они связаны с терминологией оленеводства и бытом оленеводов. Это объясняется как знакомством русских старожилов с оленеводством, так и постоянными русско-ненецкими контактами. За пределы мезенской зоны проникают только отдельные слова, прежде всего названия одежды, которые фиксируются, например, в смежном Пинежском районе.

В своем большинстве ненецкие слова легко опознаются и этимологизируются, ср. из новых сборов: *амдер* "свернутая оленья шкура, которую кладут на нарты как сиденье" <ненец. *хамдёр* тж., *беньдя* "пучок волос под шеей оленя, оленья "борода" <ненец. *пемдя* тж., *мора* "начинающий расти мягкий олений рог" <ненец. *мора* тж. и т.п. Судя по отсутствию рефлексов начального *ң* (ср. *амдер*), источником заимствований на Мезени явились крайнезападные говоры тундрового наречия ненецкого языка, в которых начальный заднеязычный сонант утрачен.

Ненецкие элементы в русских говорах Примезенья в большинстве случаев должны рассматриваться как относительно поздние: они были освоены после того, как русские познакомились с оленеводством. Несомненен и их адстратный характер: ни в микротопонимии, ни в гидронимии Примезенья СТЭ не зафиксировала у русских ненецких географических названий. Это и позволяет находить общее между ненецкими и коми-зырянскими заимствованиями на РС.

Подводя некоторые итоги всем этим наблюдениям, отнюдь не преувеличивая их значение, можно тем не менее сделать вывод, что сопоставление апеллятивных заимствований с микротопонимией и гидронимией, а также учет их относительной частоты могут в известной мере способствовать построению или подтверждению стратиграфической схемы субстратной топонимии.

Применительно к РС намечается такая ретроспективная последовательность пластов: русский, прибалтийско-финский, саамский, "марийский". Вместе с тем есть основания думать, что в намечаемой последовательности были нарушения, связанные с неравномерностью ассимиляционных процессов, поэтому русские могли в некоторых местах иметь непосредственный контакт и с саамским и с "марийским" населением: еще до прихода русских лингвоэтническая карта и топонимический ландшафт РС образовывали сложную мозаику.

Естественно, что в субстратной топонимии РС могут быть столь древние элементы, что они не имеют и не способны иметь апеллятивных соответствий в русской диалектной лексике. Поэтому, например, отсутствие древнеугорских и древнесамодийских апеллятивных заимствований в русских говорах доказывает, что древнеугорские и древнесамодийские гидронимы, если они существовали, предшествовали "марийскому" слою.

В русской диалектной лексике имеется также множество явно заимствованных апеллятивов, которые пока не истолкованы. По крайней мере часть таких апеллятивов с течением времени найдет объяснение на финно-угорской почве. Так, зафиксированное на РС слово *чарокса* "топкое непроходимое болото", представленное в других местах РС, а также южнее вплоть до Поволжья аналогом *чарус*, *чаруса* в том же и близких значениях вполне может оказаться родственным саам. норв. *čærro*, кильд *čärr* "тундра", изменившему свою семантику в иных климатических условиях.

Есть, однако, широко распространенные апеллятивы, которые вообще не находят сколько-нибудь убедительных соответствий в финно-угорских языках. Например, обычное в северо-западной части РС слово *пенус* "сенокосное болото" Калима, правда, под вопросом сравнивает с карел. *rainoš* "болотистое место между двумя возвышенностями", хотя тут же замечает, что приб.-фин. *ai* передается русским *ай*, *ой* [6, с. 183]. Параллельную форму *пендус* Калима считает "странной, необычной" (*befremdend*). Фактически же *пендус* и наряду с ним столь же частое *пентус* широко распространены в южной части региона. А.И. Попов, конечно, прав, отвергая прибалтийско-финскую этимологию Калимы и предполагая в этом случае заимствование из какого-то вымершего финно-угорского языка [31, с. 16–17]. Однако соответствий словам *пенус*, *пендус*, *пентус* пока не удалось найти ни в финно-угорских, ни в самодийских языках. Зато можно привести литовское *piainys* "сенокосное болото", *pianis* "ложбина", которое Э. Френкель считает балтийским и индоевропейским по происхождению [47]. Если эти слова действительно связаны (пока не объяснено чередование *n* – *nd* – *nt*), то речь может идти о поиске ранее неизвестных балтизмов в вымерших финских языках.

Проблема происхождения субстратной топонимии РС теснейшим образом связана с изучением апеллятивных заимствований, представляющих, к тому же, и очень большую самостоятельную научную ценность. В этом отношении будущее принесет еще много нового, особенно когда будут опубликованы достаточно полные словари говоров РС, а также "Словарь финно-угорских и самодийских заимствований в говорах русского Севера", подготавливаемый Уральским университетом.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев А.К. Финно-угро-самодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 8–10.
2. Попов А.И. Материалы по топонимике Карелии // СФУ. V. Петрозаводск, 1949. С. 62–63.
3. Попов А.И. Географические названия. М.-Л., 1965. С. 92–95.
4. Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология 1971. М., 1973.
5. Матвеев А.К. Субстрат и заимствование в топонимии // ВЯ. 1993. № 3.
6. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu. XLIV. Helsinki, 1919.
7. Kalima J. Syrjänisches Lehnwort im Russischen // FUF. XVIII. Helsinki, 1927.
8. Itkonen T. Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedeakatemia Toimituksia. XXVII. Helsinki, 1932.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. М., 1955.
10. Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
11. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
12. Сало И.В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
13. Мызников С.А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
14. Рут М.И. Вепские географические термины в русской апеллятивной лексике и топонимии Вытегорского района Вологодской области // Ономастика европейского Севера СССР. Мурманск, 1982. С. 21–23.

15. Матвеев А.К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ. 1989. № 1.
16. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. Helsinki, 1955–1981.
17. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967. С. 37–38.
18. Матвеев А.К. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
19. Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962. S. 96.
20. Муллонен И.И. Вепские ойконимические форманты // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 106.
21. Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permier in Nordrußland // SPAV. Phil.-hist. Klasse. XX. Berlin, 1936.
22. Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ. 1976. № 3.
23. Матвеев А.К. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979.
24. Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes // MSFOu. 144. Helsinki, 1967. S. 46–47.
25. Itkonen T. Suomen lappalaiset vuoteen. Helsinki, 1948. S. 99.
26. Матвеев А.К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике русского Севера // СФН. 1968. № 2.
27. Муллонен И.И. Этноисторические мотивы топонимии Межозерья // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991. С. 190–192.
28. Inkonen E. Die Herkunft und Vorgeschichte der Lappen im Lichte der Sprachwissenschaft // Ural-Altaische Jahrbücher. XXVII, 1–2. Wiesbaden, 1955.
29. Хайду П. Уральские языки. М., 1985.
30. Попов А.И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.
31. Попов А.И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. V. 1–2. Budapest, 1955.
32. Szinyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin und Leipzig, 1922. S. 22.
33. Wiklund K.B. Entwurf einer urlappischen Lautlehre. 1. // MSFOu. X. 1. Helsingfors, 1896. S. 252–256.
34. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. IV. М., 1973. С. 408.
35. Грузов Л.П. Историческая грамматика марийского языка. Введение к фонетике. Йошкар-Ола, 1969. С. 85–87.
36. Ку克林 А.Н. Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1985. С. 127, 129.
37. Матвеев А.К. К этимологии коми-зыр. *вис(виск-)* // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. XXIV. 1–4. Budapest, 1974.
38. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. // РИБ. XXV. СПб., 1908. С. 904.
39. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II. Йошкар-Ола, 1966. С. 22, 47–49, 52–54.
40. Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. Йошкар-Ола, 1979. С. 190–191.
41. Матвеев А.К. Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье? // СФУ. 1965. № 3.
42. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX в. М., 1982. С. 26–34.
43. Матвеев А.К. Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Свердловск, 1984.
44. Туркин А.И. Топонимия Нижней Вычегды. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
45. Гусельникова М.Л. Еще раз о топонимах на *-луг/-лук* в Ленском районе Архангельской области // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1991.
46. Пантелеева А.А. Ненецкие заимствования в севернорусских говорах // Взаимодействие языков. Уч. зап. УрГУ. № 80: Серия филологическая. Вып. 8. Свердловск, 1969.
47. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Heidelberg – Göttingen, 1955. S. 584.